

Хэ Цинцы задумчиво помолчал, а затем негромко произнес:

— У меня свои планы на этот счет.

Шу Шиюнь крепче сжал край своей одежды и, закрыв глаза, с трудом выдавил из себя:

— Ван, Тай-и Чжан сказал, что если я хочу благополучно выносить этого ребенка, то... Ох!

Он не смог договорить. Казалось, ребенок почувствовал его беспокойство и начал ворочаться в утробе, доставляя отцу невыносимые муки. Острая боль пронзила все тело, заставив Шу Шиюня покрыться холодным потом. Согнувшись в три погибели, он прижал руки к животу и застонал.

Хэ Цинцы впервые видел, как тот страдает от такой боли, и в глубине его глаз промелькнула тень тревоги.

— Почему тебе так больно? — Хэ Цинцы нахмурился, притянул его к себе и, положив теплую ладонь на ледяной живот, принялся осторожно поглаживать.

— Ох... — Шу Шиюнь прильнул к широкому, крепкому плечу, свернувшись калачиком. Пряди волос, намокшие от пота, прилипли к его лицу, а губы были искусаны до крови. Он и без того был слаб, а теперь и вовсе казался призрачно-бледным, словно был готов потерять сознание в любую минуту.

Когда Хэ Цинцы находился в военном походе, он получил письмо от Сичжао. В нем говорилось, что плод у Чжэнцзюня спокоен, его мучают частые боли, и есть опасения, что ребенка не удастся сохранить. В то время он был занят войной с Да Суй и не мог уделить этому должного внимания, полагая, что Шу Шиюню просто придется нелегко. Он и представить не мог, что это окажется столь мучительным испытанием. Теперь, видя всё своими глазами, он ощутил, как нечто самое нежное в его сердце словно пронзили ножом, а затем раздавили тяжелым камнем. Ему было невыносимо больно.

Хэ Цинцы не смел давить слишком сильно — он бережно круговыми движениями гладил выступающий живот, целуя бледное лицо Шу Шиюня. В его обычно холодном взгляде проступили жалость и раскаяние.

— Тебе пришлось нелегко, — прошептал он.

У Шу Шиюня защипало в глазах. Он плотно сжал губы и покачал головой.

Почувствовав тепло отца, ребенок в утробе постепенно притих. Измученный этими переживаниями, Шу Шиюнь почувствовал, как руки и ноги налились свинцовой тяжестью. У него не осталось сил, и он всем телом обмяк в объятиях Хэ Цинцы.

Глубоко вздохнув, стараясь скрыть невыносимую печаль, он тихо взмолился:

— Я не прошу о роскоши и богатстве. Ради этого ребенка, прошу, даруйте мне лишь лачугу, где можно укрыться от ветра и дождя. Этого будет достаточно. Как только я рожу, я сам заберу его и уйду.

Возможно, жизнь будет трудной, но у него есть руки и ноги — он прокормит ребенка, даже если придется просить милостыню на улице. Жаль только малыша: он несчастен уже тем, что выбрал его своим отцом. Еще не родившись, он уже познал столько страданий, а что ждет его впереди? Лишь нужда и жалкое существование рядом с ним.

Хэ Цинцы вскинул брови:

— Ты хочешь забрать его и уйти?

Неужели за десять лет брака между ними не осталось ни капли чувств, и ван готов отнять у него даже единственного ребенка? Чем больше Шу Шиюнь думал об этом, тем больнее ему становилось. Внезапно он разрыдался, закрыв лицо руками:

— Ван, я умоляю вас, ради памяти о моем рано ушедшем Ли-эре, оставьте этого ребенка мне! Вы еще молоды, когда господин Чжао войдет в дом, у вас будет столько наследников, сколько пожелаете. А у меня... у меня есть только этот ребенок...

Хэ Цинцы наконец понял, в чем дело. Подавив вспыхнувший гнев, он холодно произнес:

— Кто сказал, что я собираюсь жениться на Чжао Хэне?

В последнее время Шу Шиюня травили со всех сторон, он был измотан тревогами, и его душевное состояние было крайне нестабильным. Неожиданный резкий тон Хэ Цинцы окончательно сломил его. Он разрыдался, сотрясаясь всем телом, словно сухой лист на осеннем ветру:

— Ван, умоляю, не отнимайте его, прошу вас...

Сердце Хэ Цинцы дрогнуло. Он поспешил обнять его за плечи, пытаясь утешить:

— Я ни на ком не женюсь. Разве я не говорил? Мне нужен только ты, не выдумывай лишнего.

Но Шу Шиюнь не верил. Он лишь отрицательно качал головой, умоляя не разлучать его с ребенком. Он уже потерял Фу Ли, и теперь, когда он лишился любви, он не мог позволить, чтобы у него отняли еще и дитя, оставив его в этом мире в полном одиночестве.

Хэ Цинцы понял, что тот заиклился на этой мысли и никакие слова сейчас не помогут. Ему оставалось лишь молча гладить его по спине, дожидаясь, пока тот постепенно придет в себя.